

A detailed illustration of five cockatiels perched on brown tree branches. The birds have green bodies, blue wings, and yellow faces with red markings around their eyes. Some are facing forward, while others are in profile. The branches are adorned with several brown, fuzzy seed pods. The background is a light, neutral tone.

ДЖЕРАЛЬД
ДАРРЕЛЛ

Земля шорохов

АЗБУКА-КЛАССИКА
NON-FICTION

Азбука-Классика. Non-Fiction

Джеральд Даррелл

Земля шорохов

«Азбука-Аттикус»

1961

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Даррелл Д.

Земля шорохов / Д. Даррелл — «Азбука-Аттикус»,
1961 — (Азбука-Классика. Non-Fiction)

ISBN 978-5-389-13216-0

Осенью 1958 года Джеральд Даррелл, к этому времени не менее известный писатель, чем его старший брат Лоуренс, на корабле «Звезда Англии» отправился в Аргентину. Как вспоминала его жена Джеки, побывать в Патагонии и своими глазами увидеть многотысячные колонии пингвинов, понаблюдать за жизнью котиков и морских слонов было давнишней мечтой Даррелла. Кроме того, он собирался привезти из экспедиции коллекцию южноамериканских животных для своего зоопарка. Тапир Клавдий, малышка Хуанита, попугай Бланко и другие стали не только обитателями Джерсийского зоопарка и всеобщими любимцами, но и прообразами забавных и бесконечно трогательных героев новой книги Даррелла об Аргентине «Земля шорохов». «Если бы животные, птицы и насекомые могли говорить, – писал один из английских критиков, – они бы вручили мистеру Дарреллу свою первую Нобелевскую премию...»

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-13216-0

© Даррелл Д., 1961
© Азбука-Аттикус, 1961

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
Земля шорохов	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Джеральд Даррелл

Земля шорохов

Gerald Durrell

THE WHISPERING LAND

Copyright © 1961, Gerald Durrell

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

© Д. Жуков (наследник), перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Предисловие

Вызывая в памяти образы прошлого, я часто вижу равнины Патагонии... Все объявляют эти равнины ни на что не годными. Описать их можно, перечисляя только то, чего на них нет: ни жилья, ни воды, ни деревьев, ни гор. Там растут лишь немногочисленные карликовые растения. Почему же в таком случае я (да только ли я) так накрепко запомнил этот безводный пустынный край?

Чарлз Дарвин. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль»

Несколько лет тому назад я написал книгу («Зоопарк в моем багаже»), в которой рассказывал, как мне надоело год за годом путешествовать в различные части света и собирать животных для разных зоопарков.

Спешу добавить, что мне вовсе не надоело ездить в экспедиции и тем более возиться с животными, которых я находил. Мне надоело расставаться с этими животными, когда я приезжал в Англию. Единственный выход из положения заключался в том, чтобы создать собственный зоопарк, и в книге «Зоопарк в моем багаже» говорится, как я отправился в Западную Африку собирать своих первых животных, как я привез их домой и наконец основал зоопарк на острове Джерси.

Теперь я написал как бы продолжение той книги, потому что здесь я описываю, как мы с женой и моим неугомонным секретарем Софи отправились на восемь месяцев в Аргентину, с тем чтобы привезти оттуда хорошую коллекцию южноамериканских животных для Джерсийского зоопарка, и как, несмотря на многочисленные препятствия, мы с этим справились. За эту коллекцию самой большой похвалы заслуживает, безусловно, Софи. Хотя она и редко упоминается на страницах этой книги, самые большие тяготы путешествия, очевидно, пришлось на ее долю. Она безропотно оставалась в Буэнос-Айресе и приглядывала за нескончаемым потоком животных, с которыми я то и дело появлялся из разных мест. И приглядывала она за ними так, что это сделало бы честь опытному собирателю животных. За это и за многое другое я чувствую себя глубоко обязанным ей.

Часть первая

Обычаи страны

По-весеннему нарядный Буэнос-Айрес был хорош, как никогда. Высокие элегантные здания сверкали на солнце, словно айсберги. Вдоль широких авеню выстроились джакаранды и *palo bogracho*¹ с их странными, бутылочной формы, стволами и длинными, тонкими ветвями, на которых красовались белые и желтые цветы. Весенняя атмосфера, видно, пьянила пешеходов, и они, лавируя между машинами, перебегали улицу с меньшей осторожностью, чем обычно, а водители трамваев, автобусов и легковых машин соревновались в извечной буэнос-айресской игре, стараясь на максимальной скорости впритирку обогнать друг друга и при этом не столкнуться.

Не имея склонности к самоубийству, я отказался водить машину в городе, и поэтому за рулем моего «лендровера»², стремительно уносившего нас по смертоносной дороге, сидела Жозефина. У невысокой Жозефины волнистые темно-рыжие волосы, большие карие глаза и улыбка как прожектор: на расстоянии двадцати шагов она парализует даже самых стойких мужчин.

Рядом со мной сидела Мерседес, высокая, стройная, голубоглазая блондинка. С виду она – сама кротость, но это лишь маскирует железную волю и беспощадную, почти бульдожью, целеустремленность Мерседес. Эти две девушки были частью моей лейбгвардии красавиц, на которую я опирался в своей борьбе с аргентинскими чиновниками.

В ту минуту мы направлялись к массивному зданию своеобразной помеси Парфенона с Рейхстагом. В его громадном чреве притаилась Адуана (или таможня) – самый страшный враг здравого смысла и свободы в Аргентине. Три недели тому назад, когда я прибыл в страну, таможенные чиновники безропотно оставили у меня все предметы, подлежащие обложению высокими пошлинами: камеры, пленку, автомобиль и многое другое. Но по причинам, известным лишь Всевышнему да блестящим умам Адуаны, у меня конфисковали все сети, ловушки, клетки и другое, не очень ценное, но совершенно необходимое снаряжение. И вот последние три недели не проходило и дня, чтобы Мерседес, Жозефина и я не мытарились в обширных недрах таможенного управления, где нас посылали из кабинета в кабинет с размеренностью работы часового механизма, размеренностью до того нудной и безнадежной, что мы уже все-рез стали опасаться за свою психику.

В то время как Жозефина лавировала между разбегавшимися пешеходами, вызывая у меня спазмы в желудке, Мерседес поглядывала на меня с тревогой.

– Как вы сегодня себя чувствуете, Джерри? – спросила она.

– Великолепно, – с горечью сказал я. – Ведь в такое прелестное утро мне больше всего на свете улыбается, встав с постели, сознавать, что впереди у меня еще целый день, который надо посвятить установлению близких отношений с таможенниками.

– Ну пожалуйста, не говорите так, – сказала Мерседес. – Вы же обещали мне, что больше не будете выходить из себя. Это же совершенно бесполезно.

– Ну и пусть бесполезно, дайте хоть отвести душу. Клянусь вам, если нас еще раз продержат полчаса перед кабинетом только для того, чтобы его обитатель в конце концов сказал нам, что это не по его части и что нам следует пройти в комнату номер семьсот четыре, я не буду отвечать за свои действия.

¹ Пьяное дерево (*исп.*).

² Автомобиль повышенной проходимости.

– Но сегодня мы идем к сеньору Гарсиа, – сказала Мерседес таким тоном, будто обещала конфету маленькому ребенку.

Я фыркнул.

– Насколько мне помнится, за последние три недели только в одном этом здании мы повидались уже по крайней мере с четырнадцатью сеньорами Гарсиа. Видно, клан Гарсиа считает таможенную свою старую фамильную фирмой. А все младенцы Гарсиа рождаются на свет с маленькой резиновой печатью в руках, – продолжал я, распаляясь все больше и больше. – А на Рождество все они получают в подарок по выцветшему портрету Сан-Мартина, чтобы, став взрослыми, повесить его в своем кабинете.

– О Джерри, мне кажется, вам лучше остаться в машине, – сказала Мерседес.

– Как? Лишить себя удовольствия продолжать изучение генеалогии семейства Гарсиа?

– Ну тогда обещайте ничего не говорить, – сказала она, умоляюще поглядев на меня своими глазками, синими, как васильки. – Пожалуйста, Джерри, ни слова.

– Но я же ничего никогда и не говорю, – запротестовал я. – Если бы я действительно высказал все, что думаю, вся их таможенная провалилась бы в тартарары.

– А разве не вы на днях сказали, что при диктатуре вы ввозили и увозили свои вещи и у вас никогда не было неприятностей, а теперь, при демократии, на вас смотрят как на контрабандиста?

– Ну и что. Разве человеку возбраняется высказывать свои мысли? Даже при демократии? Последние три недели мы только и делаем, что боремся с этими умственно отсталыми личностями из таможни, и ни одна из них, видно, не способна сказать что-либо членораздельное, а может лишь посоветовать обратиться к очередному сеньору Гарсиа, который сидит дальше по коридору. Я потерял три недели драгоценного времени, тогда как мог бы снимать и собирать животных.

– Руку, руку, – неожиданно и громко сказала Жозефина. Я высунул руку в окно, и мчавшаяся за нами лавина автомобилей, скрежеща тормозами, внезапно остановилась, потому что Жозефина уже стремительно бросила «лендровер» наперерез движению в боковую улицу. Позади нас замирал вопль ярости и были отчетливо слышны крики: ¡animal!³

– Жозефина, я настоятельно прошу вас заблаговременно предупреждать нас о ваших поворотах, – сказал я. Жозефина обернулась ко мне с ослепительной улыбкой.

– Зачем? – спросила она просто.

– Неужели не понятно? Это даст нам возможность подготовиться к встрече с Всевышним.

– Но разве вы у меня хоть раз попадали в аварию?

– Нет, но, по-моему, это только вопрос времени.

В этот миг мы вновь проскочили через перекресток со скоростью сорок миль в час, и таксисту, ехавшему по поперечной улице, пришлось пустить в ход все тормоза, чтобы не врезаться нам в бок.

– Ублюдок, – невозмутимо сказала Жозефина.

– Жозефина! Никогда не употребляйте подобных выражений, – запротестовал я.

– Почему? – невинно спросила Жозефина. – Вы же употребляете.

– Это не довод, – резко возразил я.

– Но употреблять их – одно удовольствие, правда? – с удовлетворением сказала она. – У меня их уже большой запас. Я знаю «ублюдок», я знаю...

– Ладно, ладно, – перебил я. – Я верю вам. Но ради бога, не употребляйте их в присутствии своей матери, а то она не разрешит вам водить мою машину.

Все-таки, думал я, в помощи красивых молодых женщин есть свои отрицательные стороны. Правда, мало кто может устоять перед их чарами, но, с другой стороны, слишком уж у

³ Скотина! (исп.)

них цепкая память на крепкие англосаксонские словечки, к которым я вынужден прибегать в минуты волнения.

– Руку, руку! – опять сказала Жозефина. Мы снова помчались наперерез движению и, оставляя позади себя разъяренное стадо автомобилей, подкатили к массивному и мрачному фасаду Адуаны.

* * *

Мы вышли из Адуаны три часа спустя. Наши мозги оцепенели, ноги ныли, и мы упали на сиденья машины.

– Куда же теперь? – спросила Жозефина безразличным тоном.

– В бар, в любой бар, где я могу получить порцию бренди и пару таблеток аспирина.

– О'кей, – сказала Жозефина, отпуская сцепление.

– Завтра, наверно, все кончится успешно, – сказала Мерседес, пытаясь поднять наш поникший дух.

– Послушайте, – сказал я немного резко, – сеньор Гарсиа, да благословит Господь его синевритый подбородок и окропленную одеколоном шевелюру, помог нам как мертвому припарки. И вы это прекрасно знаете.

– Нет, нет, Джерри. Он обещал отвести меня завтра к одному очень высокопоставленному чиновнику Адуаны.

– Его зовут... Гарсиа?

– Нет, сеньор Данте.

– Как знаменательно! Только человек с именем Данте может выжить в этом аду сеньоров Гарсиа.

– Вы чуть не испортили все дело. Зачем вы спросили, не отца ли его портрет висит у него в кабинете? Вы же знали, что это Сан-Мартин, – с укором сказала Мерседес.

– Да, знал, но я чувствовал, что если не скажу какую-нибудь глупость, то мои мозги начнут щелкать, как старомодные штиблеты с резинками.

Жозефина подкатила к бару. Мы уселись за столик, стоявший на краю тротуара, и, прихлебывая из стаканов, погрузились в унылое молчание. Вскоре мне удалось стряхнуть тупое оцепенение, которое всякий раз навеивает на меня Адуана, и я снова обрел способность говорить не только о ней.

– Одолжите мне, пожалуйста, пятьдесят центов, – попросил я у Мерседес. – Мне нужно позвонить Марии.

– Зачем?

– Ладно, откроюсь вам... она обещала мне найти местечко, где бы можно было приютить тапира. В гостинице мне не разрешают держать его на крыше.

– А что такое тапир? – поинтересовалась Жозефина.

– Это такое животное, ростом почти с пони и с длинным носом. Оно похоже на маленького слона-уродца.

– Не удивляюсь, что в гостинице вам не разрешают держать его на крыше, – сказала Мерседес.

– Но тапир совсем еще младенец, он всего со свинью.

– Ну что ж, получайте свои пятьдесят центов.

Я нашел телефон, разобрался в сложностях аргентинской телефонной системы и набрал номер Марии.

– Мария? Это Джерри. Как дела с тапиром?

– Видите ли, мои друзья в отъезде, и у них его пристроить нельзя. Но мама говорит, что его можно принести сюда и держать в саду.

- А вы уверены, что это будет удобно?
- Ну, это мамина идея.
- А вы думаете, она знает, что такое тапир?
- Да, я сказала ей, что это маленькое животное с мехом.
- Не совсем точное зоологическое описание. Что же она скажет, когда я нагряну к вам с существом величиной со свинью и почти безволосым?
- Раз уж он будет здесь, то ничего не поделаешь, – резонно заметила Мария.
- Я вздохнул.
- Хорошо. Я завезу его сегодня вечером. Ладно?
- Ладно, и не забудьте захватить для него немного корму.
- Я вернулся к Жозефине и Мерседес. Весь вид их являл собой неутоленное любопытство.
- Ну, что она сказала? – спросила Мерседес.
- Сегодня ровно в шестнадцать ноль-ноль мы приступаем к операции «Тапир».
- Куда мы его отвезем?
- К Марии. Ее мать разрешила держать его в саду.
- Боже милостивый! Ни в коем случае! – сказала Мерседес трагическим тоном.
- А почему бы и нет? – спросил я.
- Там нельзя его оставлять, Джерри. Садик у них совсем крошечный. И, кроме того, госпожа Родригес очень любит свои цветы!
- Какое отношение это имеет к тапиру? Он будет на привязи. Все равно его надо куда-то девать, а это пока единственная возможность пристроить его.
- Хорошо, отвезем его туда, – сказала Мерседес с видом человека, который знает, что он прав, и не скрывает этого, – но не говорите потом, что я вас не предупреждала.
- Хорошо, хорошо. А теперь поехали завтракать, потому что в два часа мне надо захватить Джеки и заказать билеты на обратный путь. После этого мы можем ехать за Клавдием.
- За каким это Клавдием? – удивленно спросила Мерседес.
- За тапиром. Я окрестил его так потому, что со своим римским носом он вылитый древнеримский император.
- Клавдий! – хихикнув, сказала Жозефина. – Ублюдок! Вот смешно!

* * *

Итак, в четыре часа пополудни мы втащили упиравшегося тапира в машину и поехали к Марии, купив по дороге длинный собачий поводок и ошейник, который пришелся бы впору датскому догу. Мерседес была права – садик оказался крошечным. Размером он был футов пятьдесят на пятьдесят – такая квадратная яма, окруженная с трех сторон черными стенами соседних домов, с четвертой стороны была верандочка с застекленной дверью, которая вела в апартаменты семейства Родригес. Из-за высоты окружающих зданий во двореке было сыро и довольно мрачно, но госпожа Родригес сотворила чудо, оживив его цветами и кустиками, которые неплохо прижились в этой темноватой дыре. Яростно награждая Клавдия пинками, мы протащили его через весь дом и привязали в саду к нижней ступеньке лестницы. Учувя запахи сырой земли и цветов, он благодарно засопел своим римским носом и глубоко, удовлетворенно вздохнул. Я поставил рядом с ним миску с водой, положил грудку рубленых овощей и фруктов и ушел. Мария обещала позвонить мне в гостиницу утром и сказать, как освоился Клавдий. Верная своему слову, она так и сделала.

- Джерри? Доброе утро.
- Доброе утро. Как Клавдий?
- Я думаю, вам лучше приехать, – сказала она тоном человека, который старается подсластить пилюлю.

– Что случилось? Он заболел? – спросил я в тревоге.

– О нет. Не заболел, – сказала Мария замогильным голосом. – Но вчера вечером он порвал свой поводок и, пока мы его искали, успел съесть половину маминых бегоний. Я заперла его в угольном подвале, а мама сидит наверху с головной болью. Мне кажется, вам лучше приехать и привезти новый поводок.

Проклинаая животных вообще и тапиров в особенности, я вскочил в такси и помчался к Марии, остановившись по пути только раз, чтобы купить четырнадцать горшков самых лучших бегоний. Клавдий, припорошенный угольной пылью, задумчиво жевал листочек. Сделав ему внушение, я посадил его на новую, более прочную привязь, которую, казалось, не оборвать было даже динозавру, написал для госпожи Родригес записку с извинениями и отбыл, взяв с Марии слово позвонить мне, как только что-нибудь случится. Она позвонила на следующее утро.

– Джерри? Доброе утро.

– Доброе утро. Все в порядке?

– Нет, – угрюмо сказала Мария, – все повторилось снова. У мамы совсем не осталось бегоний, а сад выглядит так, словно в нем поработал бульдозер. По-моему, вам надо купить цепь.

– Господи, – простонал я, – у меня от одной Адуаны голова кругом идет, а с этим проклятым тапиром вообще впору запить горькую. Хорошо, сейчас я приеду и привезу цепь.

И снова я прибыл к Родригесам с цветами и цепью, которая вполне подошла бы для якоря океанского лайнера «Куин Мэри». Клавдий нашел, что цепь очень приятна на вкус, если ее громко сосать, но еще большее удовольствие она доставляла ему, когда он громко и мелодично звенел ею, мотая башкой вверх и вниз. Этот шум наводил на мысль, что в недрах садика Родригесов скрыта небольшая кузница. Я поспешно отбыл, пока госпожа Родригес не сошла вниз, чтобы выяснить причину этого шума.

Мария позвонила мне на следующее утро.

– Джерри? Доброе утро.

– Доброе утро, – сказал я, томимый острым предчувствием, что это утро будет каким угодно, но только не добрым.

– К сожалению, мама просила вас забрать Клавдия, – сказала Мария.

– А теперь что он натворил? – спросил я, задыхаясь от ярости.

– Видите ли, – голос Марии слегка дрожал от сдерживаемого смеха, – мама вчера давала званый обед. И только все мы уселись за стол, как в саду раздался страшный шум. Уж не знаю как, но Клавдий умудрился отвязать цепь от перил. В общем, прежде чем мы успели что-нибудь сделать, он ворвался в дверь, волоча за собой цепь.

– Господи! – Я был ошеломлен.

– Да, да, – продолжала Мария, уже не пытаясь сдерживать душивший ее смех. – Это было очень смешно. Перепуганные гости вскочили, а Клавдий, как призрак, все бегал и бегал вокруг стола и гремел цепью. Потом он испугался всего этого шума и наделал... вы понимаете... украшений на полу.

– Боже мой! – простонал я, хорошо зная способности Клавдия по части этих самых «украшений».

– В общем, вечер был безнадежно испорчен. Теперь мама говорит, что, к ее глубочайшему сожалению, вам придется забрать Клавдия. Она считает, что ему неуютно в саду и что он не очень симпатичное животное.

– Ваша мама, как я могу предположить, сидит наверху с мигренью?

– Кажется, сейчас это посерьезнее, чем мигрень, – озабоченно заметила Мария.

– Ладно, – сказал я со вздохом, – предоставьте это мне. Я что-нибудь придумаю.

Однако это оказалось последним звеном в цепи неприятностей, потому что все вдруг разрешилось как нельзя лучше. Таможня наконец рассталась с моим снаряжением, и – что было еще важнее – я неожиданно нашел прибежище не только для Клавдия, но и для всех остальных животных: мы поместили их в небольшом доме, который сняли на окраине Буэнос-Айреса.

Так разрешив, по крайней мере на время, свои затруднения, мы достали карты и принялись разрабатывать маршрут на юг, на побережье Патагонии, у которого в ледяных водах резвятся котики и морские слоны.

Все шло как будто гладко. Мария сумела получить отпуск на службе и готова была отправиться с нами в качестве переводчицы. Наш маршрут был разработан настолько детально, насколько могли его разработать люди, никогда не бывавшие в тех местах. Снаряжение было проверено, перепроверено и тщательно запаковано. После трех недель дурного настроения и скуки в Буэнос-Айресе к нам наконец пришло ощущение, что мы уже в пути. Но потом, на последнем военном совете (в маленьком кафе на углу), Мария высказала соображение, которое она, по-видимому, вынашивала уже довольно долго.

– Джерри, мне кажется, было бы неплохо взять с собой человека, знающего дороги, – сказала она, поглощая толстенный ломоть хлеба с громадным говяжьим языком – сооружение, почему-то считающееся в Аргентине сэндвичем.

– С какой стати? – спросил я. – Разве у нас нет карт?

– Да, но вы никогда не ездили по этим патагонским дорогам, а, к вашему сведению, они весьма отличаются от всех дорог в мире.

– Как отличаются?

– В худшую сторону, – сказала Джеки. – Нам рассказывали о них самые ужасные вещи.

– Дорогая, тебе не хуже, чем мне, известно, что ужасы подобного рода – о дорогах, о комарах и о диких племенах – рассказывают всегда и всюду, в какой бы уголок света ты ни поехал, и обычно все это оказывается чепухой.

– И тем не менее Мария, по-моему, внесла дельное предложение. Если мы найдем человека, которому с нами по пути на юг, то мы хоть будем знать, что нас ожидает на обратной дороге.

– Но таких нет, – раздраженно сказал я. – У Рафаэля занятия в колледже, Карлос на севере, Брайан учится...

– Есть Дики, – сказала Мария.

Я посмотрел на нее в упор.

– Кто этот Дики? – спросил я наконец.

– Мой друг, – сказала она беззаботно, – он очень хорошо водит машину, он знает Патагонию, и он очень приятный человек. Он привык совершать охотничьи вылазки, так что страдания ему нипочем.

– Под «страданиями» вы подразумеваете лишения, или вы намекаете на то, что наше общество будет оскорбительным для его деликатной натуры?

– Шутки в сторону, – сказала Джеки. – Мария, а этот парень поедет с нами?

– О да, – сказала она. – Он говорит, что поедет с великим удовольствием.

– Хорошо, – сказала Джеки, – когда встретимся?

– Видите ли, я сказала ему, чтобы он был здесь через десять минут. Мне показалось, что Джерри в любом случае захочет увидеть его.

Я молча смотрел на них во все глаза.

– Мне кажется, это очень хорошая мысль, а? – спросила Джеки.

– Вы спрашиваете меня? – взмолился я. – А я думал, что вы уже все порешили между собой.

– Я уверена, что Дики вам понравится... – заговорила Мария, и в этот момент на пороге появился Дики.

С первого взгляда я решил, что Дики мне совсем не нравится. Он не произвел на меня впечатления человека, который когда-нибудь «страдал» и вообще был бы способен страдать. Одет он был изысканно, слишком изысканно. У него было круглое пухлое лицо, глаза-бусинки, довольно жиденькие рыжие усики бабочкой украшали его верхнюю губу, а темные волосы были прилизаны так, что казалось, будто их нарисовали.

– Познакомьтесь, Дики де Сола, – сказала Мария. Голос ее чуть-чуть дрожал.

Дики улыбнулся мне, и улыбка преобразила все его лицо.

– Мария уже говорила вам? – сказал он, привередливо отряхивая носовым платком стул, прежде чем сесть. – Я в восхищении поехать с вами, если вы будете довольны. Я в восхищении поехать в Патагонию, кого я люблю.

Я начал испытывать к нему теплое чувство.

– Если я не буду полезный, я не поеду, но я могу советовать, если вы разрешите, потому что я знаю дороги. Вы имеете карту? О, хорошо, теперь позвольте мне объясниться вам.

Мы вместе склонились над картой, и через полчаса Дики покорила меня совершенно. На меня повлияло не только его превосходное знание края, который нам предстояло проехать, но и его милая манера коверкать английскую речь, его обаяние и заразительный юмор.

– Ну, – сказал я, когда мы сложили и убрали карты, – если у вас действительно есть свободное время, то нам бы очень хотелось, чтобы вы поехали с нами.

– Подавляюще! – сказал Дики, протягивая руку.

И этим довольно загадочным возгласом сделка была скреплена.

Земля шорохов

Равнины Патагонии бескрайни и с трудом проходимы, а потому не исследованы; судя по их виду, они пребывают уже долгие годы в том состоянии, в каком находятся ныне, и не видно конца такому состоянию в будущем.

Чарлз Дарвин. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль»

В дорогу на юг нас провожал жемчужно-серый рассвет, предвещавший погожий денек. Улицы были пусты и гулки, а омытые росой парки и скверы окаймляла пышная пена опавших цветов palo bogacho и джакаранд – груды глянцевиных голубых, желтых и розовых лепестков.

На окраине города, повернув за угол, мы увидели первые признаки жизни – это была стайка мусорщиков, которые чуть свет принялись за исполнение своих утренних балетных номеров. Зрелище было настолько необычно, что мы сбавили ход и некоторое время медленно ехали за ними. Посередине мостовой со скоростью пяти миль в час громыхла большая повозка. На ней по колено в мусоре стоял рабочий. Четверо других рабочих, как волки, бежали вприпрыжку рядом с повозкой, время от времени исчезая в темных подъездах и появляясь из них с полными мусорными ящиками на плечах. Поравнявшись с повозкой, они сильным движением подбрасывали ящики вверх. Рабочий в повозке ловил их, вытряхивал и бросал обратно, проделывая все это одним плавным движением.

Расчет был великолепный – в то время как пустой ящик падал вниз, вверх уже взлетал полный. На полпути они встречались, и иногда в воздухе находилось одновременно четыре ящика. Все это проделывалось молча и с невероятной быстротой.

Вскоре мы покинули пределы города, который еще только начинал пробуждаться, и понеслись по равнине, золотой от восходящего солнца. Утренний воздух был прохладен, и Дики оделся потеплее. На нем было длинное твидовое пальто и белые перчатки, а его черные добрые глаза и аккуратные усики бабочкой выглядывали из-под смешной войлочной шляпы, которую он надел, по его словам, для того, «чтобы держать уши нагретыми».

Софи и Мария скрючились в глубине «лендровера» на целой горе нашего снаряжения, которое по их же настоянию упаковали в ящики с острыми, как ножи, краями. Джеки и я сидели вместе с Дики на переднем сиденье, расстелив на коленях карту.

Названия некоторых поселений, лежавших на нашем пути, были просто великолепны: Часкомус, Долорес, Некоча, Трес-Арройос – произносить их было одно удовольствие. Потом мы проехали две деревни, которые разделяло расстояние в несколько миль. Одна из них называлась Мертвый Христианин, а другая – Богатый Индеец. Мария объяснила это странное явление тем, что когда-то индеец разбогател, убив христианина и украв его деньги. Как ни романтично было это объяснение, мне почему-то показалось, что оно далеко от истины.

Два дня мы мчались по типичной пампе – равнине, на которой по колено в золотистой траве бродит скот; изредка встречались рощицы эвкалиптов, белесые и шелушащиеся стволы которых были похожи на ноги прокаженного. Небольшие опрятные эстансии сверкали белизной в тени огромных деревьев омбу. Короткие и толстые стволы этих деревьев сплошь покрыты мясистыми наростами. Кое-где низенькие изгороди были совсем погребены под густыми зарослями вьюнков, усеянных голубовато-серыми цветами величиной с блюдце, а почти на каждом столбе изгороди покоилось странное, похожее на футбольный мяч гнездо птицы-печника. Этот цветущий ландшафт выглядел настолько ухоженным, что еще чуть-чуть – и стало бы скучно.

К вечеру третьего дня мы сбились с пути. Съехав на обочину дороги, мы достали карту и начали спорить. Нам надо было попасть в город под названием Кармен-де-Патагонес, расположенный на северном берегу Рио-Негро. Я настаивал на ночевке именно в этом городе,

потому что здесь провел некоторое время Дарвин, когда путешествовал на корабле «Бигль»: мне было интересно посмотреть, насколько изменился город за последнюю сотню лет. Поэтому, несмотря на горячие возражения остальных членов экспедиции, которым непременно хотелось остановиться в первом же населенном пункте, мы поехали дальше. Как оказалось, нам ничего другого и не оставалось делать, потому что на пути к Кармен-де-Патагонесу мы не встретили ни единого жилья и ехали до тех пор, пока не увидели впереди маленькую гроздь слабых огоньков. Не прошло и десяти минут, как мы уже осторожно ехали по булыжным мостовым Кармен-де-Патагонеса, освещенным неверным светом уличных фонарей. Было два часа ночи. Все дома выглядели на одно лицо и были накрепко заперты. Трудно было надеяться, что мы встретим хоть кого-нибудь, кто показал бы нам дорогу к гостинице, а разыскать ее сами мы не могли, потому что каждый дом казался нам точной копией другого и отличить гостиницу от других жилищ не было никакой возможности. Мы остановились на главной площади города и стали уныло и раздраженно спорить, как быть. Вдруг под одним из фонарей возник ангел-хранитель в образе высокого тощего полицейского. На нем был безукоризненно чистый мундир, блестящий пояс и начищенные сапоги. Он щеголевато отдал честь, поклонился женщинам и со старомодной галантностью направил нас в боковую улицу, где, по его словам, была гостиница. Мы подъехали к большому мрачному дому с наглухо закрытыми ставнями и массивной входной дверью, которая могла бы сделать честь даже кафедральному собору. Отбарабанив зорю по ее избитой непогодами поверхности, мы стали терпеливо ждать. Прошло десять минут, но обитатели дома не подавали никаких признаков жизни, и тогда Дики в отчаянии бросился на приступ. Если бы эта атака удалась, то грохот разбудил бы и мертвого. Но только Дики лягнул дверь, как она загадочным образом распахнулась сама, и мы увидели длинный, слабо освещенный коридор с дверями по обеим сторонам и мраморную лестницу, ведущую наверх. Смертельно усталые, голодные как волки, мы не были расположены уважать право частной собственности и промаршировали в гулкий холл, словно войско захватчиков. Здесь мы остановились и стали кричать «¡Hola!»⁴ до тех пор, пока весь отель не загудел от наших криков. Но ответа мы не дождались.

– Я думаю, Джерри, что иногда они все мертвые, – серьезно сказал Дики.

– Ну что ж, если они мертвые, то предлагаю рассредоточиться и самим найти себе постели, – сказал я.

Мы поднялись по мраморной лестнице и сами нашли три спальни с застланными кроватями, применив для этого очень простой прием – мы открывали все двери подряд. Найдя пристанище на ночь, мы с Дики спустились вниз посмотреть, может ли эта гостиница похвалиться хоть какими-нибудь удобствами. Первая же дверь, которую мы распахнули, привела нас в темную комнату с огромной двуспальной кроватью под старинным балдахинном. Не успели мы выскочить обратно, как из-под одеяла, словно всплывающий кит, поднялась и вперевалку зашагала к нам громадная туша. Эта туша оказалась женщиной гигантских размеров, одетой в развевающуюся ночную фланелевую сорочку и весящей килограммов сто. Щурясь и натягивая на себя светло-зеленое кимоно, усеянное большущими розами, она вышла в коридор – впечатление было такое, словно одна из самых экзотичных цветочных выставок в Челси вдруг встала и зажила собственной жизнью. На ее мощную грудь ниспадали две длинные пряди седых волос. Натянув кимоно, она закинула их за спину и сонно, но приветливо улыбнулась нам.

– Buenas noches⁵, – вежливо сказала она.

– Buenas noches, señora, – ответили мы, стараясь не уступать в хороших манерах никому даже в этот поздний час.

⁴ Эй! (исп.)

⁵ Доброй ночи! (исп.)

– ¿Hablo con la patrona?⁶ – спросил Дики.

– Si, si, señor, – ответила она, широко улыбаясь, – ¿que quieres?⁷

Дики извинился за поздний приезд, но la patrona только махнула рукой. Дики спросил, нельзя ли получить бутерброды и кофе. Почему бы и нет? – ответила la patrona. Дики объяснил ей, что нам также срочно требуется в туалет. Не будет ли она так любезна показать нам, где он. La patrona восприняла это с большим юмором, провела нас в облицованную кафелем комнату и стояла рядом, дружески болтая, пока мы с Дики занимались своими делами. Потом, пыхтя и колыхаясь, она прошла на кухню и приготовила нам огромную гору бутербродов и кастрюльку кофе. Убедившись, что больше от нее ничего не требуется, она отправилась на покой.

На следующее утро, позавтракав, мы быстро осмотрели город. Насколько я мог заметить, со времен Дарвина, если не считать внедрения электричества, он изменился очень мало. Поэтому мы сели в машину и покатали из города вниз по склону холма, а затем по широкому железному мосту, перекинутому над ржаво-красными водами Рио-Негро. Прогромыхав по мосту из провинции Буэнос-Айрес в провинцию Рио-Негро, то есть всего-навсего перебравшись на противоположный берег реки, мы оказались в совершенно другом мире.

Остались позади тучные зеленые просторы пампы. Справа и слева, насколько хватал глаз, тянулась пустынная, бесплодная равнина, покрытая ровной щетиной серо-зеленого кустарника. Каждый куст был фута в три высотой и вооружен устрашающим количеством шипов и колючек. Казалось, в этом сухом кустарнике никто не живет, так как, остановив машину, мы не слышали ни пения птиц, ни жужжания насекомых. Только ветер шелестел ветвями колючего кустарника над этой одноцветной марсианской равниной. Единственным движущимся предметом, кроме нас самих, был огромный хвост пыли, поднятой автомобилем. Ужасно утомительно было ехать по этому краю. Прямая дорога, вся в глубоких рытвинах и колдобинах, разматывалась до самого горизонта. После нескольких часов монотонной езды мы уже ничего не соображали, нас кидало в сон, и мы просыпались от дикого скрипа – «лендровер» съезжал с дороги в ломкий кустарник.

Это случилось вечером перед самым Десеадо, на участке дороги, которую, к несчастью, так развезло после недавнего дождя, что она стала похожа на полосу густого клея. Дики, уже давно сидевший за рулем, стал клевать носом, и, прежде чем мы сообразили, в чем дело, «лендровер» с прицепом въехал в крутую грязь на обочине и, бешено буксуя, накрепко засел. Мы неохотно вылезли из машины на ледяной ветер и при тусклом свете заходящего солнца принялись отцеплять прицеп от «лендровера» и по отдельности вытаскивать их из грязи. Потом, когда руки и ноги озябли, мы все пятеро втиснулись в «лендровер» и стали смотреть на закат, передавая из рук в руки бутылку шотландского виски, которую я припрятал специально для такого случая.

⁶ Я разговариваю с хозяйкой? (исп.)

⁷ Да, что вам угодно? (исп.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.